

Лиана Делиани

ПАЛАЧ

18+

Лиана Делиани

Палач

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57407221
SelfPub; 2020*

Аннотация

Когда люди сходят с ума, у палача всегда много работы...
История о ведьме и палаче, встретившихся в застенках инквизиции.

Он был Палачом, сыном Палача. Должность со всеми премудростями ремесла передавалась по наследству. Единственная разница – в отличие от отца ему не пришлось отрезать язык, чтобы секреты власти и инквизиции оставались секретами. Он был нем от рождения.

Людей он не любил. Не за что было. В детстве они дразнились и швыряли в него камнями, когда вырос, стали шарахаться со страхом и омерзением. В них было хрупким, ненадежным буквально все: плоть, кости, дух, убеждения. Он знал, как лепить из них то, что было нужно городскому совету или инквизиции. Большого не требовалось ни ему, ни власти, ни людям.

Палачи чаще работают ночью. Днем они нужны только для публичных казней, оставшееся время могут отдыхать. В последнее время дознаний и казней было столько, что спал он урывками.

В подвале, отведенном для допросов инквизиции, многие инструменты пыточного дела стояли постоянно: дыба, воронка, плиты, испанский сапог. Все инструменты он регулярно чистил, точил, если было нужно, иногда забирал чинить.

Проверив орудия пыток, он приступал к осмотру первого ночного клиента.

В этот раз им была молоденькая ведьма, худая, тонкие кости, здоровые суставы. С ведьмами инквизитор любил начинать с дыбы, поэтому он, не дожидаясь приказа, всунул за-

пяться девчонки в ремни.

Дыба не будет для нее таким уж серьёзным испытанием – веса почти нет, тело гибкое. Вот испанский сапог – дело другое, кости сломаются почти сразу. Или воронка, с такими-то легкими, подумал он, услышав, как закашлялась девчонка.

Кашель был влажный, простудный – на дворе стояла глубокая осень. Скорее всего, бродяжка: тело грязное, волосы спутанные, одета в лохмотья, пятки сбиты. От ведьмы исходил привычный запах застенков – пота, грязи и страха.

Попадая сюда, все они боялись, но боялись по-разному. За годы работы он научился различать их страхи. Эта, например, боялась боли, а не смерти. Для него такой страх означал, что долго выбивать признание не придется. Муторнее было с теми, кто цеплялся за жизнь, настаивал на своей невинности, пытался продумывать ответы, будто от этого и в самом деле зависело, выживешь или нет. Результат всегда был один и тот же, только для палача работы на порядок больше.

Едва ее втолкнули в двери, она поняла, что это за место, и зачем она здесь. Пахло, как на скотобойне, застарелый, гниlostный запах старой крови смешивался с ржавым запахом свежей. На каменном, покрытом бурыми разводами столе человек в красном колпаке с прорезями для глаз и красной же рубахе неторопливо проверял и раскладывал орудия своего ремесла. Она не могла оторвать глаз от этих блестящих, местами стершихся от частого употребления металлических

устройств. Гадала, для чего предназначен тот или иной инструмент, чем отрезают пальцы, чем вырывают ногти, на что наматывают кишки из вспоротого живота. Не могла оторвать глаз и чувствовала, как ледяными щупальцами страх скручивает желудок, учащает дыхание и сердцебиение, парализует волю.

Палач поднял ее легко, будто она совсем ничего не весила, и вдел ее руки в ремни, висящие на перекладине. Руки оказались вверху, над головой, но, встав на цыпочки, она все еще не отрывалась от пола. И не отрывала взгляд от блестящих в свете факелов орудий.

Ей хотелось, чтобы все это кончилось поскорее. Смерть была избавлением не только от боли и страха, но и от вечно сосущего чувства голода в желудке, от ледяных ног, озноба и болей в пояснице, от кашля и холодных ночей в продуваемых всеми ветрами подворотнях, от бесконечных и зачастую безуспешных попыток раздобыть кусок хлеба.

Сутулясь и потирая руки от холода, вошел инквизитор. Следом за ним послушник нес жаровню, которую поставил у ног монаха, едва тот уселся. Инквизитор кивнул палачу, и она почувствовала, как ремни на запястьях натянулись, а ноги оторвались от пола.

– Как твое имя, ведьма?

Всю жизнь прожила без имени, а тут, надо же, имя понадобилось.

– Мария, – привычно солгала она.

– Креста на тебе нет, – цепким взглядом оглядел ее инквизитор.

– Сорвали... в толпе, – чем дольше она висела, тем тяжелее становилось дышать и говорить.

Крест на ней был, только вот веревка изнасилась. Толпа сорвала его, но кто в это поверит. Сказать по правде, она понятия не имела, крещена ли, крест же смастерила из дерева и повесила на шею, опасаясь именно такого случая. Не помогло.

– Так каково же твое истинное имя, дитя сатаны? – тем временем спросил инквизитор.

– Не знаю, – пальцами она ухватилась за ремни, пытаюсь ослабить давление на грудную клетку, дышать чуть глубже.

Инквизитор кивнул еще раз, и воздух разрезал свист кнута.

– И-и-и, – вырвалось у нее, когда удар болью обжег спину. Нет, бывало, били ее и посильнее, просто не на весу. От удара все тело дернулось вперед, дышать стало еще труднее.

– Так, значит, Илит, – удовлетворенно отметил инквизитор. – Признаешься ли ты, ведьма, что вместе с демоном по имени Илит, находившимся в то время в теле животной твари, пыталась навести порчу на этого добропорядочного торговца.

«Добропорядочный торговец» неуютно сгорбившись, подобострастно кивал, подтверждая слова инквизитора.

– Она смотрела на меня и водила рукой над этой тварью, бормоча заклинания.

Ей вспомнилось маленькое, мягкое тельце котенка, которое стражник пикой рассек пополам под крики толпы. Он не был черным, у него еще не успели открыться глаза. Она пожалела его, такого же бездомного и никому не нужного. Теперь он мертв, а ей, если она хочет, чтобы пытка закончилась побыстрее, нужно признаваться.

– Признаюсь... – выдохнула она.

Однако, инквизитор не был любителем слишком легких признаний.

– Выше, – велел он палачу.

Дыхание перехватило, на миг ей почудилось, что она взлетает под самый потолок.

– Признаешься ли ты ведьма, в том, что вызвала вышеназванного демона из преисподней?

– Признаюсь...

– Признаешься ли ты, ведьма, что сожительствовала с демоном?

– Да.

– Не слышу? – прищурил глаза инквизитор на ее попытку сократить количество выдохов, необходимое для ответа.

– Признаюсь.

– Что ж, ведьма, во имя спасения твоей бессмертной души, ты, милостью святой инквизиции, приговариваешься к аутодафе...

Инквизитор нараспев, речитативом бормотал еще что-то, но ее затопило облегчение. Все, конец. Уже почти все.

Пальцы ног коснулись холодных и скользких плит пола, палач неуловимыми, отточенными жестами вынул ее запястья из ременных петель, одну за другой опустил руки в естественное положение. Она думала, будет кричать от боли, но боли почти не было. Боли вообще было меньше, чем она ожидала.

Молоденькая ведьма ему запомнилась. Он понял это днем, когда поел, отоспался, перебрал нужные на ночь инструменты. Сжечь ее должны были завтра, поэтому склянку он взял с собой на случай, если не успеет забежать домой с ночной смены. Снадобье из склянки он давал приговоренным, чтобы они ничего не чувствовали. Давал потому, что родственники за это платили, и очень редко потому, что испытывал жалость.

Ведьму он пожалел. Вчера у нее не осталось ни вывихов, ни рассеченной кнутом кожи. Почему он смягчил для нее пытку, он и сам затруднился бы ответить. Она не была красивой, не была богачкой, он никогда не знал ее раньше.

Уже после первых петухов, освобождая место для очередного допрашиваемого, он вновь увидел ту самую молоденькую ведьму. Этого не должно было быть, приговоренных повторно не допрашивали, за исключением особых случаев, но

она стояла у двери со связанными руками.

– Воронку, – приказал инквизитор.

Положив ее на стол, он развязал ведьме руки, вдел их в специальные крепления, мимоходом ненавязчиво прощупав удары сердца и температуру тела. Что-то в ней изменилось, и он искал суть и причину этих изменений.

За разорванной тканью увидел свежие синяки на груди, животе и бедрах. Вчера, когда она покидала пыточную, их не было, значит, это стража позабавилась уже после. На внутренней стороне бедра виднелись следы подсохшей крови. Маловероятно, но... неужели, она была девственницей?

После прошлой ночи, ей было все равно. Тело, и так доставлявшее больше неприятностей, чем радости, познало настоящую боль. Она уже умерла внутри себя, а что будет с брэнной оболочкой, сколько еще ее будут мучить, не то, чтобы не важно... но уже не имеет решающего значения.

Палач придвинул к ее лицу воронку. Что будут заливать ей в горло – гнилую воду или расплавленный свинец? Тело против воли дернулось, ужаснувшись, она плотно сомкнула веки и зубы и отвернулась. Палач обхватил ее голову руками и повернул обратно, придавая нужное ему положение. Одна рука осторожно приподняла затылок и подсунула под него что-то твердое, обмотанное тканью.

Он не причинял ей боли больше, чем это было необходимо. Будь ее жизнь другой, она, возможно, не почувствовала

бы разницы, но ее с раннего детства били и пинали все, кому не лень, и она научилась различать оттенки боли. Эта сумасшедшая догадка мелькнула у нее еще вчера, когда из пыточной ее вели в затхлую сырость камеры. Мелькнула и исчезла, как только страж вернулся с факелом, веревкой и парой товарищей. И вот теперь под мягкими, почти осторожными прикосновениями, догадка вернулась. Руки палача убаюкивали, заставляя покориться судьбе.

Она открыла глаза и увидела красную маску, склонившуюся над ней. Взгляд притянуло к овальным отверстиям, вырезанным для глаз. Он тоже смотрел на нее, и в этом взгляде она прочитала «не бойся». Большим пальцем левой руки он надавил на подбородок, побуждая ее открыть рот, впустить узкий край воронки.

Завороженная его взглядом, она не сопротивлялась. Зубы с неприятным звуком столкновения пропустили железо, и мгновением позже на язык упала первая капля. Палач чуть заметно одобрительно кивнул. Тонкой струйкой в рот потекла какая-то жидкость с неприятным травянистым привкусом.

Она поняла. Догадалась. Жаль только поблагодарить его не могла – говорить ей больше уже не придется. Но она могла смотреть и смотрела, стараясь передать свою благодарность и облегчение. Обратила внимание, какие у него странные глаза – темные зрачки и очень светлая, почти бесцветная радужка, окруженная темным, четким ободком. Глядя в них,

она не боялась. Не умирала в муках и одиночестве, как ей всегда снилось в кошмарах.

– Ведьма, признаешься ли ты, что навела порчу на епископа, скончавшегося нынче утром?

Она все смотрела, надеясь, что он прочел «спасибо» в ее глазах.

Дыхание замедлилось, сердце пропустило удар, отяжелевшие веки опустились.

– Ведьма, я повторяю, признаешься ли ты...

Она еще успела почувствовать прикосновение пальцев к шее.

Он прижал пальцы к жиле на шее, проверяя бьется ли сердце. Сердце не билось. Шагнув вперед, он привлек внимание инквизитора и покачал головой. Тот прервался на полуслове и махнул рукой лекарю.

Ученый врачеватель в мантии, обычно подремывающий в углу и призываемый в самых крайних случаях, когда пытаемый ускользал в мир иной, не успев раскрыть всех своих тайн, поднялся и подошел к пыточному столу. Он тоже прошупал удары сердца, склонился над телом.

– Убери это, – приказал лекарь.

Палач послушно убрал воронку, осторожно вынув край изо рта неподвижно лежащей женщины.

Лекарь прислушался к ее дыханию, брезгливо положил руку на грудь.

– Morbus cordis, – наконец констатировал он на латыни причину смерти, которую в народе называли «заячье сердце».

– Запиши, – велел инквизитор послушнику, – ведьма созналась, что ее истинной целью было навести порчу не на торговца Тома, а на епископа, который проезжал в этот момент по улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.